

НАРОДНЫЕ АРТИСТЫ ЛЕСА

рассказ

У нас было принято рассказывать о необыкновенном. Наши вечера мы шутливо называли "кают-компанией", хотя ни моря, ни корабля не было, зато были завидные слушатели.

Я всегда радуюсь, когда фантастические случаи происходят в жизни. И потому с особым волнением, охватившем меня в тот памятный вечер, рассказывал.

Все это действительно произошло не так уж давно в Москве, в Сокольниках. И я не боюсь сослаться на несколько тысяч свидетелей, сидевших в Зеленом театре или гулявших по соседним аллеям. Слышали-то они все! И каждый из них может поправить меня, если я дал волю фантазии. На этот раз я отказываюсь от нее. Жизнь порой бывает фантастичнее вымысла. И уж во всяком случае - прекраснее!

Днем над городом прошла гроза с неистовым ливнем. Я ехал в машине по набережной и трудившиеся на высшей скорости "дворники" не могли сбить с лобового стекла сплошную водяную пленку. Я чувствовал себя, как в акваланге. Видимость улучшалась, лишь когда мы попадали под мост, откуда снова ныряли в воду, словно в подводном снаряде.

В этой бешеной гонке, когда над головой с каменных небесных склонов будто скатывались грохочущие скалы и разбивались в невидимых, пропастях, сотрясая Землю, был отзвук двугорбого максимума солнечной активности.

В том году, когда раз в тысячелетие совпали столетний и одиннадцатилетний солнечные максимумы, все надеялись, что ураганы, песчаные бури и всяческие капризы природы будущим летом наконец прекратятся. Но максимум на кривой солнечной активности был двугорбый, как верблюд! И второй горб приходился на нынешний год. Он сказался в наших широтах диковинными для июня холодами и неожиданными отзвуками прошедшей весны.

У нас в Абрамцеве до первых чисел июля в окно тянулись пахучие ветки сирени. Не поднималась рука их наломать. Я и так чувствовал себя, словно уткнулся лицом в исполинский букет. От его нежного запаха радостно кружилась голова.

Особый аромат у цветов запоздалых! Особый строй и у запоздалых песен, когда весенние напевы зазвучат вдруг летом!..

Припоминается мне громовая весна 1945 года, последняя весна войны. Как мы все ждали ее!

Вместе с передовыми танками мы ворвались на центральную площадь Вены. Автоматчики в развевающихся за спиной зеленых плащпалатках, нагибаясь, перебегали от здания к зданию. Дробно трещали очереди автоматов. Пахло гарью. К мостовой стелился дым.

Гитлеровцы, перепуганные и бесноватые, огрызались.

За моей спиной пылал знаменитый театр Венской Оперы.

Горько было видеть покрытую клубами черного дыма каменную громаду, напоминавшую наш Большой театр.

Весна всегда связывалась у меня с музыкой.

Когда столица Австрии была полностью очищена от нацистов, мне удалось побывать на знаменитом Венском кладбище, где я отыскивал могилы Моцарта, Бетховена и Иоганна Штрауса.

Собственно, могилы Моцарта я найти не мог, потому что великий музыкант был похоронен в могиле для бедных, которую никто не знал. Много времени спустя поклонники гения установили на Венском кладбище плиту и выбили на ней его имя.

Неподалеку я увидел другую. Она прикрыла собой подлинную могилу еще одного величайшего музыканта с трагической судьбой. Это была простая, гладкая плита с лаконичной надписью "Людвиг ван Бетховен". Но как много она говорила!

И не очень далеко от этих памятных плит высился изящный мраморный павильон. Там, окруженный колоннами, стоял мраморный скрипач - баловень успеха, любимец Вены, Иоганн Штраус.

Три столь непохожих одна на другую жизни прославленных музыкантов своеобразно отразились здесь в камне, в мраморе.

Я смотрел на мраморного Иоганна Штрауса и мне казалось, что он играет на мраморной скрипке свой вальс "Сказки Венского леса"...

Мне не забыть впечатления от впервые услышанной в 1939 году в Нью-Йорке блестящей разработки этого вальса. Я попал на премьеру кинокартины, которую мы впоследствии узнали как "БОЛЬШОЙ ВАЛЬС". Подобно многим значительным художественным произведениям, она получила всеобщее признание много позднее, а тогда... увы, принесла разорение постановщику.

Помню, весь следующий день "Сказки венского леса" звучали в моих ушах. Я скрывался от американской жары в прохладных залах советского павильона Нью-Йоркской международной выставки будущего, где работал. Выставка называлась "Мир завтра". Ее устроители рассчитывали поразить воображение посетителей. Ради этого сооружены были знаменитые трилон и перисфера, здания в виде двухсотметровой иглы и огромного, размером с восьмизэтажный дом, шара, который будто бы покоился на водяных струях. Эти "архитектурные Пат и Паташон" должны, были знаменовать грядущие устремления архитектуры. Там же зарыта была в землю сроком на пять тысяч лет "бомба времени" - крупнокалиберный снаряд из нержавеющей стали. В него поместили всевозможные предметы быта и техники того времени, начиная от модных мужских подтяжек и кончая киноаппаратом с фильмами и обращением к потомкам, написанным собственноручно Альбертом Эйнштейном. Великий физик сам присутствовал при отправке этой посылки в будущее. Однако не в этих поражающих и зазывающих сенсациях видели многие американцы свое будущее, не в новых марках холодильников и автомашин, призванных знаменовать с рекламных стендов грядущее. Будущее это еще накануне второй мировой войны виделось многим и многим людям в советском павильоне. А война за грядущее цивилизации грянула буквально на следующий день... Грянула и пронеслась испепеляющим жаром.

И вот в дни окончания этой войны я снова услышал "Сказки Венского леса", услышал, стоя у памятника Иоганну Штраусу.

Мог ли я не пойти в Венский лес?

Я никогда не подозревал, что Венский лес расположен на горе и что аллеи его вьются серпантином. Я выходил из машины, бродил среди деревьев, старался представить себе Штраусовскую сказку.

Аллея поднималась к расположенному наверху ресторану, откуда открывался чудесный вид на Дунай и Вену, прикрытых голубоватой дымкой. Глядя в такую даль, всегда хочется взмыть вверх, облететь просторы.

Слух резанул громкий дробный стук. Но на этот раз это были не автоматы, а пневматические молотки.

Венцы в аккуратных спецовках с множеством карманчиков старательно вырубали из тротуара каменную плиту с изображением немецкого орла, держащего свастику. Ее когда-то с помпой водрузили на место, откуда Гитлер жадно смотрел на Вену после аншлюсса. Не потягалась во времени эта плита с плитами музыкантов!

Аллеи в Сокольниках совсем не похожи на аллеи Венского леса. Они идут по прямым просекам подлинно русского леса, по которому мчались в старину доезжачие и сокольничьи царской охоты. Таких сосен-исполинов, раскидистых елей, таких белоствольных "девичьих" берез не встретишь в Венском лесу среди грабов, вязов и диких каштанов. Но сказка Венского леса в первых числах июля, в год повторной солнечной активности перекочевала с отрогов Альп к нам в Сокольники.

После пения Милицы Кориус (воспитанницы Киевской консерватории) в "Большом вальсе" я тридцать лет не слышал исполнения этой блестящей вариации.

И вот мне привелось снова услышать этот вальс в Зеленом театре Сокольников.

Конферансье объявил номер и я почему-то заволновался. Но едва появилась певица, и я услышал ее сильный, гибкий и звонкий, как хрустальная струя, голос, я увидел чудом помолодевшую героиню "Большого вальса". Блестящие рулады сверкали, словно их можно было различить в воздухе, они ослепляли.

Вдруг я вздрогнул и оглянулся. Нет, я не ослышался. На соловьиный голос певицы характерным щелканьем отозвался в кустах соловей.

Все, все, кто сидели в тот вечер в Зеленем театре, невольно посмотрели на освещенную прожекторами листву, обрамлявшую открытый зал.

А в листве отозвался второй соловей.

Надо было видеть в те минуты лицо певицы. Она услышала своих партнеров и засияла внутренним светом.

Когда голос ее рассыпался бисерным каскадом, два соловья не просто повторяли руладу, а пели вместе с ней в терцию, в кварту, украшали паузы музыкальными рефренами и каденциями.

Я слушал, затаив дыхание. Никогда я не мог себе представить, что соловьи так понимают, чувствуют музыку и так виртуозны! Они были ничуть не хуже излюбленного колоратурами флейтиста, оттеняющего голос. Своей птичьей импровизацией они сделали сказку Венского леса поистине волшебной.

Неужели никто из тысяч сидящих на этом необыкновенном концерте не захватил с собой магнитофона? Каким шедевром обогатил бы он мир застывших звуков!

Когда "Большой вальс" закончился и счастливая, возбужденная певица кланялась публике, она смотрела на листву.

Публика устроила овацию. Многие смотрели туда же, куда и певица.

Всем хотелось, чтобы соловьи вместе с ней спели "на бис".

Но конферансье безжалостно объявил следующий номер, потом еще один. На концертах действуют свои законы. Артисты пели снова и снова, но... лесные певцы улетели. Они ни с кем больше не захотели петь, отпев свою удивительную запоздалую песню ушедшей весны.

Мне никогда не забыть этого удивительного трио, которое убедило меня, что Иоганн Штраус был прав, назвав свой вальс сказкой.

Спасибо ему за эту сказку, спасибо "народным артистам леса", исполнившим ее, спасибо певице Валерии Новиковой, 4 июля 1969 года заколдовавшей их в Сокольниках.

- Значит, хоть и фантастика, а было это? - спросил дотошный слушатель.

- Конечно, - заверил я.

- Ясно - вставил скептик. - Направленное излучение. Без бионики не обойтись.

- Не знаю, - признался я. - Мне хотелось без бионики...